

ИЛЛЮЗИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

АРХИТЕКТУРА
ОДНОЙ СИСТЕМЫ

КЭМЕРОН ФРОСТ

18+

Кэмерон Фрост

**Иллюзия независимости:
Архитектура одной системы**

«Автор»

2026

Фрост К.

Иллюзия независимости: Архитектура одной системы /
К. Фрост — «Автор», 2026

Финансовые отчеты, судебные архивы и экспертные заключения складываются в опасный чертеж: за фасадом независимой правозащиты скрывается система, где ярлык «секта» становится инструментом влияния, репрессий и контроля над обществом.

Кэмерон Фрост

Иллюзия независимости: Архитектура одной системы

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Пролог

Терраса утопала в утренней тишине. Воздух еще хранил ночную прохладу, а солнце только начало золотить верхушки сосен, не успев нагреть каменные плиты пола. На деревянном столе стояла чашка кофе. Над темной поверхностью напитка уже не поднимался пар — идеальная температура для того, чтобы сделать глоток, не отвлекаясь от бумаг.

Безупречная головоломка не пугает сложностью. Ее прелесть в том, что правильный ответ всегда лежит на поверхности. Нужно лишь правильно настроить оптику. На столе, прижатые пресс-папье от легкого ветра, лежали три стопки документов. Финансовые аудиты, судебные постановления, официальные регламенты Совета Европы. Разрозненные фрагменты информационного шума, которые ждали своей систематизации.

Объект исследования значился в документах как FECRIS — Европейская федерация центров исследования и информации о сектантстве. Дата регистрации: 1994 год. География: тридцать стран. Публичный фасад здания выглядел монолитно. Организация позиционировала себя через три базовые переменные: независимая, правозащитная, общественная.

Ветер шевельнул верхний лист в первой стопке. Финансовый отчет французских ассоциаций CCMM и UNADFI, выступивших учредителями федерации. Столбцы цифр выстраивались в строгую математическую последовательность. Графа «государственные субсидии» показывала 99%. Графа «частные пожертвования» стремилась к статистической погрешности. Аудит самой FECRIS за период с 2003 по 2008 год демонстрировал еще более аскетичную картину: сто процентов финансирования из бюджета Франции. Абсолютный ноль частного капитала.

Переменная «независимость» рассыпалась при первом же столкновении с калькулятором.

Глоток остывшего кофе оставил на языке легкую горечь. Взгляд переместился на вторую стопку. Регламент Совета Европы, датированный 2005 годом. Тот самый год, когда объект получил статус неправительственной организации. Текст документа содержал жесткое, не терпящее двояких трактовок условие: структуры, полностью финансируемые государством, не имеют права на статус НКО. Чистая формальная логика. Векторы направлены в противоположные стороны. Сто процентов государственных денег FECRIS против требования о нулевом государственном участии. Статус был присвоен вопреки письменным правилам самого органа, его выдавшего.

Вторая переменная не прошла верификацию.

Третья стопка бумаг казалась самой массивной. Судебные архивы. Здесь заканчивались декларации и начиналась юриспруденция. Вена, Штутгарт, Женева, Стокгольм. Имена руководителей и ключевых функционеров федерации пестрели в резолютивных частях приговоров. Фридрих Грисс — осужден за клевету. Швейцарский филиал — приговор за насильственное лишение свободы с применением слезоточивого газа. Шведское отделение — похищение

человека. Европейский суд по правам человека официально зафиксировал нарушение фундаментальных свобод испанским филиалом.

Люди, заявляющие о защите прав человека, систематически привлекались к уголовной ответственности за их грубейшее нарушение. Третья переменная оказалась ложной.

Солнце поднялось выше, стирая длинные утренние тени. Математика системы сошлась. Логических пустот не осталось. Гигантская международная правозащитная сеть на проверку оказалась цепочкой частных квартир, за спинами владельцев которых стояли миллионные бюджеты французского правительства. Система успешно пережила коррупционные скандалы, адаптировалась и продолжала функционировать, не имея под собой ни одного реального юридического основания из тех, что декларировала.

Факты были установлены. Но для аналитического ума здесь только начиналась настоящая работа. Зачем крупному европейскому государству десятилетиями содержать эту искусственную сеть? Какую реальную функцию выполняет этот инструмент в масштабах континента? И кто является истинным бенефициаром структуры, научившейся быть неуязвимой для законов?

Ответы скрывались глубже — в архивах других стран, в биографиях забытых чиновников и в механизмах, которые запускались далеко за пределами уютной утренней террасы.

Глава 1. Архитектор финансовых потоков

В тишине Национальной библиотеки Франции шелест страниц казался оглушительным. Высокие своды читального зала Ришелье поглощали звуки города, оставляя лишь сухой, бумажный шорох времени. Воздух пах пылью и старым клеем. На массивном дубовом столе в строгом порядке были разложены ксерокопии документов, датированных началом восьмидесятых. Сквозь стеклянный купол лился ровный, бестеновой свет, падая на машинописные листы правительственного доклада 1983 года.

Текст был напечатан на плотной бумаге, буквы местами пробивались сквозь лист, оставляя рельефный след. Документ носил название «Секты во Франции: выражение нравственной свободы или факторы манипулирования?». Автором значился Ален Вивьен — имя, которое в последующие десятилетия станет синонимом бескомпромиссной борьбы с «сектантской угрозой». Но в 1983 году этот доклад стал лишь первым камнем в фундаменте будущей системы.

Слова на бумаге складывались в четкие, тревожные формулировки. Вивьен описывал Францию как страну, осажденную невидимым врагом. Он приводил данные о росте числа нетрадиционных религиозных движений, оперировал понятиями «психическое манипулирование» и «разрушение личности». Каждая страница нагнетала атмосферу страха, создавая образ неминуемой катастрофы. И в конце, как логическое завершение этого нагнетания, следовала рекомендация: государству необходимо создать специализированный орган для борьбы с культами. Орган, наделенный широкими полномочиями и, что самое главное, доступом к бюджетным средствам.

Доклад не был опубликован сразу. Он пролежал в правительственных кабинетах два года, прежде чем увидел свет в 1985-м. За это время Вивьен не сидел сложа руки. Он активно выстраивал параллельную структуру, которая должна была стать общественным фасадом его государственной инициативы.

Справа от доклада лежала тонкая папка с выписками из реестра некоммерческих организаций. Внимание привлек документ о регистрации ассоциации CCMM — Centre Contre les Manipulations Mentales (Центр против психических манипуляций). Год основания — 1981. Президент — Ален Вивьен.

Пазл начал складываться, но не так, как ожидалось. Вивьен, действующий член парламента, готовит правительственный доклад, в котором обосновывает необходимость государственного вмешательства в сферу религии и создания специального контролирующего органа. Одновременно он возглавляет частную «общественную» организацию с теми же целями.

Следующий документ — выписка из парламентских архивов. Вивьен, депутат от Социалистической партии, активно лоббирует выделение средств на борьбу с сектантством. И куда же направляются эти средства? График финансирования ССММ за конец восьмидесятых и начало девяностых показывал неуклонный рост государственных субсидий.

Контраст между риторикой и реальностью был разительным. С трибун звучали слова о защите прав человека, о спасении семей от разрушительного влияния культов. А в бухгалтерских книгах фиксировался процесс перекачивания денег налогоплательщиков в частную структуру, возглавляемую тем же самым человеком, который эти деньги распределял.

Свет из-под купола сместился, осветив стопку финансовых отчетов за 1996 год. Именно в этом году рекомендация из доклада Вивьена 1983 года была, наконец, реализована. Правительство учредило *Observatoire Interministériel sur le Sectes* — Межведомственную обсерваторию по вопросам культов.

Спустя два года, в 1998-м, обсерватория была переименована в MILS (*Mission Interministérielle de Lutte Contre les Sectes* — Межведомственная миссия по борьбе с культами). И кто же стал ее президентом? Ален Вивьен.

Круг замкнулся. Человек, создавший проблему в своем докладе, возглавил государственный орган по ее решению и одновременно руководил частной структурой, получающей деньги на это решение.

MILS подчинялась напрямую канцелярии премьер-министра Франции. Это означало не просто высокий статус, это означало беспрепятственный доступ к фондам различных министерств. Миссия сотрудничала с полицией и *Renseignements Généraux* (французскими спецслужбами). В руках одного человека оказались сосредоточены огромные ресурсы: административные, силовые и финансовые.

На столе лежали таблицы, демонстрирующие распределение грантов. В период управления MILS Вивьеном, государственные потоки текли широкой рекой в двух направлениях: в ССММ и в UNADFI (*Union Nationale des Associations de Défense de la Famille et de l'Individu* — Национальный союз ассоциаций по защите семьи и личности).

UNADFI, еще одна ключевая структура в этой схеме, получала грандиозные суммы. Таблицы за 1996–2000 годы показывали, что государственные средства составляли подавляющее большинство ее бюджета. Графа «частные пожертвования и членские взносы» выглядела жалко на фоне миллионных вливаний из казны.

Аналогичная картина наблюдалась и в ССММ. В период с 1999 по 2011 год доля средств, получаемых ССММ от государственных структур, составляла в среднем 98%.

Организации, заявляющие о своей независимости и широкой общественной поддержке, на деле оказались полностью зависимыми от государства. Более того, они существовали исключительно благодаря государственному финансированию. Частные лица, граждане, которых якобы защищали эти структуры, не спешили расставаться со своими деньгами ради их поддержки.

Для сравнения, в тех же документах приводились данные по организации «Врачи без границ» (*Médecins sans Frontières*). Эта всемирно известная и уважаемая НПО получала от французского государства лишь 5% своего дохода. Остальные 95% поступали от частных доноров.

Разница была колоссальной. 98% государственных денег у борцов с сектами против 5% у врачей, спасающих жизни в горячих точках. Цифры говорили сами за себя. Общественная поддержка антикультовых инициатив была равна нулю. Вся их деятельность, все их шумные медиакампании оплачивались из кармана налогоплательщиков, зачастую без ведома последних.

Действуя по всей территории Франции, UNADFI и ССММ имели «зону охвата» более чем в 66 миллионов жителей. Десятилетиями граждан затапливали финансируемые государ-

ством беспрестанные и навязчивые медиакампании об «опасности культов». Но несмотря на эту массированную пропаганду, люди не несли свои деньги борцам с сектами.

Механизм работал безупречно. Государство создавало проблему (через доклады Вивьена), выделяло средства на ее решение (через MILS), а затем распределяло эти средства между «независимыми» организациями (CCMM и UNADFI), которые, в свою очередь, создавали информационный шум, оправдывающий дальнейшее финансирование.

Перпетуум-мобиле бюрократического распила.

Но любая система, основанная на обмане и жадности, рано или поздно дает сбой.

Среди бумаг на столе лежал документ, датированный ноябрем 2002 года. Аудиторский отчет о проверке деятельности MILS. Текст изобилует сухими бухгалтерскими терминами: «нецелевое расходование», «превышение полномочий», «отсутствие финансовой дисциплины».

За этими скучными формулировками скрывалась масштабная коррупционная схема. Половину бюджета MILS Вивьен потратил на зарубежные поездки. Остальные значительные суммы пошли на приобретение элитной недвижимости для UNADFI и CCMM. Около 700 000 евро (в пересчете на современные деньги) было потрачено на покупку здания для UNADFI, и аналогичная сумма — на штаб-квартиру CCMM.

Деньги, выделенные на борьбу с «сектантской угрозой», превратились в роскошные офисы и дорогие командировки для узкого круга лиц.

Скандал был неизбежен. Вивьен подал в отставку. MILS была упразднена.

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Система рухнула под тяжестью собственной алчности. Но бюрократическая машина умеет мимикрировать.

Следующий документ из папки — постановление правительства Франции. Дата: вскоре после ликвидации MILS. Содержание: создание MIVILUDES (Mission Interministérielle de Vigilance et de Lutte Contre les Dérives Sectaires — Межведомственная миссия по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями).

Название изменилось. Суть осталась прежней.

MIVILUDES, после короткого периода адаптации, возобновила ту же деятельность, что и MILS. И, что самое главное, сохранила те же финансовые потоки. UNADFI и CCMM продолжили получать миллионные гранты от нового государственного органа.

Ликвидация MILS оказалась лишь бюрократическим маневром, отвлекающим маневром, позволившим сохранить систему в неприкосновенности. Избавились от одиозного Вивьена, сменили вывеску, но сам механизм перекачивания государственных денег в частные структуры остался нетронутым.

Внимание привлек еще один факт, зафиксированный в документах. В 1998 году, когда Вивьен возглавил MILS, он передал пост президента CCMM своей жене. Семейный подряд на государственном финансировании.

Вся эта история с MILS, Вивьеном, CCMM и UNADFI на первый взгляд казалась сугубо внутренним французским делом. Классическая схема распила бюджета под благовидным предлогом. Но документы указывали на нечто большее.

Франция в конце девяностых оказалась в изоляции. Ее политика «агрессивного лаицизма» (светскости) и жесткие антикультовые меры подвергались суровой критике со стороны международного сообщества, включая Госдепартамент США. Французскую модель считали нетерпимой и нарушающей свободу вероисповедания.

Чтобы выйти из изоляции и легитимизировать свои действия, французским чиновникам нужно было экспортировать свою модель в другие страны. Им нужно было создать видимость международного консенсуса.

Именно для этой цели и была создана FECRIS — Европейская федерация центров исследования и информации о сектантстве.

Документ о регистрации FECRIS, датированный 1994 годом, лежал поверх других бумаг. Место регистрации: Париж. Учредители: CCMM и UNADFI.

Те самые организации, которые существовали на 98% за счет французских налогоплательщиков. Те самые организации, которые были вовлечены в финансовые скандалы Вивьена.

FECRIS позиционировалась как объединение независимых ассоциаций из разных стран Европы. Но на деле это была структура, созданная и контролируемая французским правительством через свои прокси-организации (CCMM и UNADFI).

Схема финансирования FECRIS, составленная самой организацией за период с 2003 по 2008 год, подтверждала это со стопроцентной ясностью. FECRIS получала гранты из года в год только от французского правительства и ни от одного другого государства. Членские взносы составляли мизерную часть бюджета.

Дополнительные средства для деятельности FECRIS поступали через UNADFI и CCMM, которые, как уже было установлено, финансировались тем же французским правительством.

Круг замкнулся во второй раз, но теперь уже на международном уровне.

Французское правительство финансировало MIVILUDES. MIVILUDES финансировала CCMM и UNADFI. CCMM и UNADFI создали и финансировали FECRIS. А FECRIS, выступая от имени всей Европы, лоббировала антикультовые законы и распространяла французскую модель борьбы с сектами.

Иллюзия независимости была создана мастерски. Снаружи — авторитетная международная правозащитная федерация. Внутри — финансовая пуповина, намертво привязанная к бюджету Франции.

В тишине читального зала архитектура этой системы предстала во всей своей циничной простоте. Ален Вивьен не просто лоббировал интересы своей организации. Он спроектировал механизм, который позволил государству скрыто финансировать репрессивную политику, прикрываясь вывеской независимых НКО.

Этот механизм оказался настолько надежным, что пережил финансовые скандалы, отставку своего создателя и смену названий государственных органов. Он адаптировался и вышел на международный уровень, превратившись в инструмент влияния в масштабах всей Европы.

Но оставался один вопрос. Вопрос, на который не было ответа в финансовых отчетах и правительственных постановлениях.

Если FECRIS — это французский проект, финансируемый французскими деньгами, то как эта организация смогла получить статус при Совете Европы? Совете Европы, чьи правила прямо запрещают аккредитацию НКО, полностью зависящих от государственного финансирования.

Свет в читальном зале начал тускнеть. Библиотека готовилась к закрытию. Бумаги на столе, свидетели коррупции и бюрократических махинаций, хранили молчание. Ответ на этот вопрос нужно было искать не в Париже. Ответ находился в Страсбурге. В коридорах власти, где правила пишутся для того, чтобы их нарушать.

Но прежде чем покинуть зал, взгляд задержался на еще одном документе. Письмо, датированное 2011 годом. Отправитель: Мирей Деген, генеральный секретарь FECRIS. Адресаты: итальянские ассоциации, входящие в федерацию (FAVIS, CeSAP, ARIS Toscana, ARIS Veneto).

В письме Деген обсуждала вопросы финансирования и координации действий по случаю конференции FECRIS в Варшаве.

Итальянские ассоциации. Крошечные группы, не имеющие ни реального влияния, ни серьезной общественной поддержки в своей стране. Но благодаря французским деньгам, поступающим через FECRIS, они получали возможность участвовать в «международных» конференциях и создавать видимость массового движения.

Система, спроектированная Вивьеном, работала не только на макроуровне, создавая международные федерации. Она работала и на микроуровне, подпитывая мелкие группы в разных странах, превращая их в своих агентов влияния.

И эта сеть, эта паутина, сплетенная из государственных дотаций и политических амбиций, продолжала разрастаться.

Сбор документов в папку занял несколько минут. Ксерокопии легли одна на другую, скрывая под собой столбцы цифр и фамилии чиновников.

Архитектор этой системы, Ален Вивьен, давно ушел в отставку. Но его творение продолжало жить. Оно трансформировалось, меняло названия, но сохраняло свою суть — механизм скрытого перераспределения государственных средств для подавления инакомыслия и формирования нужной идеологической повестки.

Иллюзия независимости была лишь фасадом. За ним скрывалась жесткая вертикаль власти, опирающаяся на бюджетные миллионы.

Шаги гулко отдавались в пустых коридорах библиотеки. Париж за стенами жил своей жизнью, не подозревая о том, какие механизмы управления сознанием были запущены в его кабинетах десятилетия назад.

Расследование только начиналось. Парижские архивы раскрыли финансовую изнанку системы. Но впереди были Страсбург, Женева, Стокгольм. Впереди были судебные приговоры, сломанные судьбы и технологии дегуманизации, которые эта система применяла на практике.

Первый слой иллюзии был снят. Но за ним скрывались новые, еще более мрачные тайны. И чтобы добраться до истины, нужно было идти дальше, по следу денег и политического влияния, туда, где правозащитная риторика сталкивалась с суровой реальностью уголовных преступлений.

Завтрашний день обещал быть долгим. Поиск официальных разъяснений от еврочиновников в Страсбурге — задача не из легких. Бюрократия умеет хранить свои секреты. Но цифры в парижских отчетах были слишком красноречивы, чтобы их можно было проигнорировать.

Противоречие между уставом Совета Европы и реальным статусом FECRIS требовало объяснений. И эти объяснения должны были быть найдены.

Двери библиотеки закрылись, отсекая тишину архивов от шума вечернего города. Воздух Парижа был прохладным и свежим. Но в мыслях по-прежнему стоял запах документов, раскрывающих структуру одной очень большой лжи.

Лжи, которая стоила миллионы евро и которая продолжала отравлять умы людей по всей Европе. Лжи, архитектором которой был человек, прикрывавшийся заботой о правах человека.

Но теперь эта ложь была задокументирована. И это был только первый шаг на пути к ее полному разоблачению.

В папке под мышкой лежали не просто ксерокопии. Там лежало доказательство того, что международная антикультовая сеть — это не спонтанное объединение обеспокоенных граждан, а тщательно спланированный государственный проект. Проект, который с самого начала базировался на коррупции и обмане.

И этот факт менял всё. Он переводил дискуссию из плоскости религии и идеологии в плоскость финансов и права. А в этой плоскости действуют другие законы. Законы логики, доказательств и неотвратимости наказания.

Оставалось только собрать все доказательства воедино и предъявить их миру. Шаг за шагом. Документ за документом. Пока иллюзия независимости не рассеется окончательно, обнажив истинное лицо системы.

Глава 2. Казус Совета Европы

Стеклянный фасад Европейского суда по правам человека в Страсбурге отражал свинцовое небо. Здание, спроектированное Ричардом Роджерсом, задумывалось как символ прозрачности правосудия — две стальные башни-весы, огромные витражи, отсутствие глухих стен

в публичных зонах. Однако прозрачность архитектуры редко коррелирует с прозрачностью бюрократических процедур. Внутри, за стеклом и бетоном, функционировал сложный, многоуровневый механизм, где каждая шестеренка вращалась по строго прописанному регламенту.

Путь от парижских архивов, где вскрылась финансовая подноготная FECRIS, до кабинетов Совета Европы был неизбежен. Если французское правительство десятилетиями содержало антикультовую сеть, маскируя ее под независимую структуру, то как эта сеть смогла легализоваться на международном уровне? Получение статуса неправительственной организации (НКО) при Совете Европы — это не формальность. Это знак качества, пропуск в кулуары европейской политики, возможность влиять на резолюции и формировать повестку дня для сорока шести государств-членов.

В кафетерии Дворца Европы, расположенном в нескольких минутах ходьбы от здания суда, пахло крепким эспрессо и свежей выпечкой. За соседними столиками приглушенно переговаривались дипломаты, переводчики и клерки. На столе, рядом с чашкой кофе, лежал распечатанный документ — Резолюция Совета Европы (2003)8. Это был базовый текст, регулирующий статус участия международных неправительственных организаций в Совете Европы.

Текст документа не допускал двойных толкований. Статья 2 резолюции содержала императивное условие: статус НКО может быть предоставлен только тем организациям, которые «являются репрезентативными в области своей компетенции» и «не находятся под управлением государственных органов». Более того, внутренние инструкции Совета Европы прямо указывали на необходимость финансовой независимости. Организация, чей бюджет критически зависит от одного правительства, по определению не может считаться неправительственной.

Рядом с резолюцией лежала копия заявки FECRIS на получение статуса участника, датированная 2005 годом. Документ был составлен по всем правилам бюрократического искусства. В графе «цели и задачи» значились защита прав человека, помощь жертвам сектантских злоупотреблений и информирование общественности. В графе «структура» перечислялись десятки ассоциаций из разных стран Европы. На бумаге FECRIS выглядела как мощное, разветвленное движение гражданского общества.

Но цифры из парижских аудитов, изученных ранее, говорили об обратном. 99% финансирования от французских министерств. Отсутствие частных пожертвований. Фиктивные членские взносы.

Возникал парадокс. Либо чиновники Совета Европы, рассматривавшие заявку FECRIS в 2005 году, проявили вопиющую некомпетентность и не проверили финансовые источники кандидата, либо они сознательно закрыли глаза на прямое нарушение собственного регламента.

Попытка прояснить ситуацию через официальные каналы напоминала движение по лабиринту с прозрачными, но непробиваемыми стенами. Запрос в пресс-службу Совета Европы с просьбой разъяснить процедуру проверки финансовой независимости НКО привел к стандартному ответу: «Все организации, получающие статус участника, проходят строгую проверку на соответствие критериям, изложенным в Резолюции (2003)8».

На уточняющий вопрос о том, как именно проверялась заявка FECRIS, учитывая ее стопроцентную зависимость от французского бюджета, последовала пауза длиной в три недели. Затем пришел ответ от департамента по связям с гражданским обществом: «Совет Европы не комментирует детали процесса аккредитации отдельных организаций. Статус участника регулярно пересматривается».

Бюрократическая машина работала безупречно, генерируя вежливые отказы и обтекаемые формулировки. Никаких конкретных ответов. Никаких ссылок на исключаяющие резолюции или специальные протоколы, которые могли бы объяснить этот казус.

Отсутствие информации часто бывает красноречивее самой информации. Если бы у Совета Европы было законное обоснование для аккредитации FECRIS, оно было бы предоставлено. Секретность в данном случае указывала на уязвимость позиции.

Чтобы понять, как функционирует эта иллюзия на практике, необходимо было взглянуть на структуру FECRIS не сверху, из кабинетов Совета Европы, а снизу, с уровня ее операционных узлов. В заявке 2005 года, помимо парижской штаб-квартиры, фигурировали представительства в других странах. Брюссель, Вена, Женева. География внушала уважение.

Брюссельский офис FECRIS располагался по адресу, указанному в официальных справочниках. Это был не деловой квартал и не район европейских институций. Обычная жилая улица в коммуне Схарбек. Дом ничем не выделялся среди соседних зданий — кирпичный фасад, узкие окна, небольшая лестница, ведущая к входной двери.

На панели домофона не было таблички с надписью «FECRIS». Вместо этого там значилась фамилия: «Defagne» (Деген).

Мирей Деген — генеральный секретарь FECRIS. Та самая женщина, чье письмо итальянским ассоциациям было найдено в парижских архивах. Та самая, что координировала распределение французских грантов для создания видимости международной активности.

Брюссельский «офис» международной правозащитной федерации, аккредитованной при Совете Европы, оказался гостиной в частной квартире ее генерального секретаря.

Этот факт не был случайностью или временным неудобством. Это была системная характеристика. Проверка других юридических адресов, указанных в документах FECRIS, давала аналогичные результаты.

Венское отделение, возглавляемое Фридрихом Гриссом (дважды занимавшим пост президента FECRIS), было зарегистрировано по адресу его частной резиденции. Швейцарский филиал (SADK) также базировался в квартирах своих основателей.

Масштаб декларации катастрофически не совпадал с реальностью. Международная сеть, заявляющая о представительстве интересов гражданского общества в тридцати странах, на проверку оказалась цепочкой частных почтовых ящиков. У них не было реальных офисов, штата сотрудников, независимого бюджета. Вся их инфраструктура держалась на энтузиазме нескольких десятков активистов и стабильных финансовых вливаниях из Парижа.

Контраст между статусом при Совете Европы и фактическим положением дел был разительным. Организация, заседающая в комитетах Страсбурга и влияющая на европейское законодательство, не имела даже собственной таблички на двери в Брюсселе.

Эта структура не могла возникнуть спонтанно. Для того чтобы провести такую организацию через жесткие фильтры Совета Европы, требовалось серьезное политическое лоббирование. Кто-то должен был поручиться за FECRIS, гарантировать ее благонадежность и закрыть глаза на финансовую зависимость и отсутствие реальной инфраструктуры.

Ответ напрашивался сам собой. Франция, будучи одной из стран-основательниц Совета Европы и одним из главных доноров его бюджета, обладала достаточным политическим весом, чтобы провалить нужное решение.

FECRIS была нужна французскому правительству не только для того, чтобы легитимизировать свою внутреннюю антикультовую политику, но и для того, чтобы экспортировать ее на европейский уровень. Статус НКО при Совете Европы давал FECRIS трибуну, с которой она могла вещать от имени «всего европейского гражданского общества».

Это был классический пример создания «astroturfing» — искусственного общественного движения, финансируемого государством или корпорацией для продвижения своих интересов под видом низовой инициативы.

В архивах Совета Европы удалось обнаружить несколько документов, проливающих свет на то, как FECRIS использовала свой статус. Это были отчеты о заседаниях комитетов, проекты резолюций, меморандумы.

Везде, где обсуждались вопросы свободы вероисповедания, прав меньшинств или новых религиозных движений, появлялись представители FECRIS. Они выступали в роли экспертов, предоставляли «аналитические» доклады, лоббировали жесткие ограничительные меры.

Их риторика всегда была одинаковой: культы — это абсолютное зло, они разрушают семьи, манипулируют сознанием, угрожают национальной безопасности. Единственный способ борьбы с ними — это жесткий государственный контроль, запреты и репрессии.

Никаких полутонов. Никакого диалога. Только язык вражды и стигматизации.

И эта риторика, благодаря статусу FECRIS, постепенно проникала в официальные документы Совета Европы. Термины «деструктивный культ» и «сектантское отклонение», изначально придуманные французскими чиновниками, становились частью европейского политического лексикона.

Иллюзия работала. Государственный проект, замаскированный под правозащитную сеть, успешно формировал европейскую повестку дня.

Но у этой системы была одна уязвимая точка. Фасад правозащитной организации неизбежно вступает в противоречие с методами, которые эта организация использует на практике.

Если FECRIS действительно защищает права человека, то почему ее деятельность вызывает столько протестов со стороны международных правозащитных организаций? Почему Государственный департамент США регулярно критикует Францию и ее антикультовые структуры за нарушение свободы вероисповедания?

В документах, собранных в ходе расследования, начали появляться тревожные сигналы. Упоминания о судебных исках, обвинениях в клевете, скандалах, связанных с незаконным лишением свободы.

В докладе итальянского социолога Массимо Интровинье, посвященном деятельности FECRIS, приводились факты сотрудничества этой организации с репрессивными режимами. Интровинье указывал на поддержку, которую FECRIS оказывает китайским властям в преследовании движения Фалуньгун, а также на тесные связи с российскими антикультистами, лоббирующими жесткие законы против религиозных меньшинств.

Правозащитная организация, поддерживающая репрессии и сотрудничающая с авторитарными режимами? Это противоречие требовало детального изучения.

Возвращение в Страсбург, в библиотеку Дворца Европы, было необходимо для поиска ответов. Архивы Совета Европы хранили не только официальные резолюции, но и стенограммы заседаний, отчеты независимых экспертов, жалобы от общественных организаций.

Среди массива документов удалось обнаружить материалы конференции ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), посвященной проблемам нетерпимости и дискриминации. Конференция проходила в Кордове в 2005 году — в том самом году, когда FECRIS получила статус при Совете Европы.

В итоговом докладе конференции содержался раздел, посвященный деятельности антикультовых организаций. И в этом разделе фигурировал список судебных решений, вынесенных в отношении групп и представителей FECRIS.

Список был впечатляющим. Он занимал несколько страниц и охватывал разные страны Европы: Австрию, Германию, Швейцарию, Швецию, Испанию, Великобританию.

Имена и названия организаций, которые еще недавно фигурировали в заявке FECRIS как столпы европейского гражданского общества, теперь представляли в совершенно ином свете.

Фридрих Грисс, генеральный секретарь и дважды президент FECRIS. Венский коммерческий суд, 1996, 1997, 1998, 2000 годы. Окружной суд Штутгарта, 1998 год. Пять обвинительных приговоров за клевету. Человек, представляющий FECRIS на международном уровне, систематически распространял ложную информацию и был признан виновным судами двух европейских стран.

Шведская ассоциация FRI, член FECRIS. Дело 1990 года. Представитель организации Ева Пэрссон осуждена за незаконное лишение свободы и похищение человека.

Британская группа FAIR, член FECRIS. Сирил Воспер, член исполнительного совета, осужден в Германии в 1987 году за незаконное лишение свободы и нанесение телесных повреждений.

Испанская ассоциация AIS, член FECRIS. Дело Канальса, 1995 год. Суд установил, что группа нарушила фундаментальные права обвиняемого. Дело Риера Блуме, 1999 год. Европейский суд по правам человека постановил, что лишение свободы произошло с попустительства властей Каталонии.

Швейцарская группа SADK, член FECRIS. Публичная поддержка практики депрограммирования — насильственного удержания человека с целью изменения его убеждений, зачастую с применением физической силы и спецсредств (включая слезоточивый газ).

Французская ассоциация UNADFI, учредитель FECRIS. Жанин Тавернье, президент организации. Парижский апелляционный суд, 2003 год. Обвинительный приговор.

Немецкие группы AGPF и Sect-Info Essen, члены FECRIS. Решение Федерального верховного суда Германии, 1992 год: государственное финансирование таких организаций является неконституционным. Хайде-Мари Камманс, основательница Sect-Info Essen, осуждена Мюнхенским государственным судом в 2001 году за распространение ложных сведений.

Канадская группа CIC, член FECRIS. Ян Хоуворт, основатель, осужден Верховным судом Онтарио в 1989 году за клевету.

Документ ОБСЕ лежал на столе библиотеки, разрушая последние остатки иллюзии.

FECRIS не была правозащитной организацией. Это была сеть структур, чьи лидеры и активисты систематически нарушали закон. Клевета, похищения людей, незаконное лишение свободы, нанесение телесных повреждений — вот реальный послужной список этой «неправительственной организации».

И эти люди, имеющие за плечами уголовные приговоры, были аккредитованы при Совете Европы. Они заседали в комитетах, консультировали чиновников, влияли на принятие резолюций, касающихся прав человека.

Казус Совета Европы оказался не просто бюрократической ошибкой или результатом политического лоббирования. Это был системный сбой, продемонстрировавший полную неспособность европейских институций фильтровать организации, претендующие на статус защитников гражданского общества.

Совет Европы, созданный для защиты прав человека и верховенства закона, предоставил трибуну структуре, чьи члены систематически эти права нарушали.

Как такое могло произойти? Почему чиновники в Страсбурге проигнорировали не только финансовую зависимость FECRIS от французского правительства, но и криминальный шлейф, тянувшийся за ее ключевыми фигурами?

Ответ кроется в механизмах политической целесообразности. Франция, продвигая свой антикультуловый проект на европейский уровень, обеспечила ему политическую крышу. А бюрократическая машина Совета Европы, столкнувшись с давлением со стороны влиятельного государства-члена, предпочла закрыть глаза на формальные нарушения и криминальное прошлое кандидатов.

Иллюзия независимости была подкреплена иллюзией респектабельности.

Но факты, зафиксированные в судебных приговорах и документах ОБСЕ, невозможно было стереть. Они свидетельствовали о том, что методы, применяемые антикультуловыми организациями, не имеют ничего общего с защитой прав человека. Это методы террора, запугивания и насилия.

И эти методы были легитимизированы на самом высоком европейском уровне.

Выход из библиотеки Дворца Европы сопровождался ощущением тяжести. Свинцовое небо над Страсбургом казалось еще более низким. Здание Европейского суда по правам человека по-прежнему отражало свет, но теперь этот свет казался холодным и равнодушным.

Расследование вышло на новый уровень. Финансовые махинации в Париже и бюрократические игры в Страсбурге были лишь прелюдией. Настоящая суть системы раскрывалась не в бухгалтерских отчетах и не в резолюциях Совета Европы. Она раскрывалась в залах судебных заседаний, где жертвы антикультового террора пытались добиться справедливости.

Следующий шаг был очевиден. Необходимо было детально изучить судебную практику в отношении ключевых фигур FECRIS. Проанализировать приговоры, вынесенные в Швейцарии, Швеции, Германии, Австрии. Понять, как именно функционирует механизм дегуманизации и насилия, скрывающийся за правозащитным фасадом.

Документы ОБСЕ дали лишь краткий перечень преступлений. За каждым пунктом в этом списке стояли реальные люди, сломанные судьбы, разрушенные репутации. И эти истории требовали детального рассмотрения.

Папка с документами стала еще толще. К финансовым отчетам и регламентам добавились копии судебных решений и доклады международных организаций. Пазл становился все более мрачным, но его контуры вырисовывались все отчетливее.

Иллюзия независимости рухнула. На ее месте возникла архитектура системы, построенной на лжи, коррупции и насилии. Системы, которая научилась использовать демократические институты для достижения антидемократических целей.

И эта система продолжала функционировать, расширяя свое влияние и экспортируя свои методы в другие страны. В том числе и в Россию, где антикультовая модель нашла самую благодатную почву и приобрела еще более уродливые формы.

Но об этом позже. Сейчас необходимо было сосредоточиться на Европе. На тех людях, которые, прикрываясь мандатом Совета Европы, совершали уголовные преступления и оставались безнаказанными.

Вечерний Страсбург зажигал огни. Город, символизирующий европейское единство и верховенство права, готовился ко сну. Но для расследования день только начинался. Впереди были сотни страниц судебных протоколов, показания свидетелей, заключения экспертов. Впереди было погружение в ту темную сторону антикультового движения, которую оно так тщательно пыталось скрыть за стеклянными фасадами европейских институций.

Глава 3. Правозащитники на скамье подсудимых

Стук дождевых капель по стеклу задавал монотонный ритм. Капли сливались в тонкие ручейки, искажая очертания уличных фонарей за окном и превращая город в размытую акварель. На столе, под светом настольной лампы, лежали документы, которые не имели ничего общего с акварельной мягкостью. Судебные протоколы, постановления, выдержки из приговоров. Сухой, безжалостный язык юриспруденции, фиксирующий факты, от которых становилось не по себе.

Иллюзия респектабельности, тщательно выстраиваемая в кабинетах Страсбурга и Парижа, рассыпалась здесь, на страницах уголовных дел. Если финансовые отчеты показывали коррупционную изнанку системы, то судебные архивы обнажали ее истинную, жестокую природу. Правозащитный фасад скрывал за собой практику, которая по любым международным стандартам квалифицировалась как уголовное преступление.

В центре стола лежала копия постановления Венского коммерческого суда. Сентябрь 1996 года. Дело номер GZ 8E 3407/00 w. Имя ответчика — Фридрих Грисс. Тот самый человек, который дважды занимал пост президента FECRIS и долгие годы был ее генеральным секретарем. Лицо европейского антикультового движения.

Текст судебного решения был предельно конкретен. Грисс признавался виновным в клевете на несколько религиозных организаций, включая «Christian Family Fellowship» и

«Life Fellowship», известные также как Норвежское движение. Суд установил, что Грисс публично и бездоказательно обвинял эти группы в вовлечении людей через «flirty fishing» (практику использования сексуальной привлекательности для вербовки), инцесте, прелюбодеянии и мошенничестве.

За этими обвинениями не стояло никаких фактов. Только целенаправленная кампания по дискредитации, построенная на лжи и манипуляциях. Суд обязал Грисса опубликовать опровержение на своей веб-странице и установить ссылку на сайт Норвежского движения.

Но Грисс проигнорировал решение суда.

Следующий документ в стопке — постановление того же Венского коммерческого суда, датированное мартом 1997 года. Снова обвинительный приговор по делу о клевете в отношении тех же организаций. Грисс продолжал свою кампанию, несмотря на юридический запрет.

Затем последовало дело об административном правонарушении. Окружной суд Клостернойбурга. Нарушение мирового соглашения. Грисс не уплатил назначенный штраф и отказался удалить ложную информацию из интернета. Суд вынес приказ о принудительном взыскании. Дело номер GZ 8F 2687/02 s-3. Снова нарушение мирового соглашения, снова приказ уплатить штраф.

Семь обвинительных актов. Семь судебных решений, подтверждающих, что генеральный секретарь международной правозащитной федерации систематически и злонамеренно распространял клевету, игнорируя постановления судов.

Это не было случайной ошибкой или эмоциональным высказыванием. Это была осознанная стратегия. Стратегия демонизации оппонентов с использованием любых, даже незаконных методов. И эта стратегия реализовывалась человеком, который представлял FECRIS на международных форумах и консультировал европейских чиновников.

Взгляд переместился на следующий документ. Он касался швейцарского филиала FECRIS — организации SADK (Schweizerische Arbeitsgemeinschaft gegen destruktive Kulte). Год 1990.

Материалы уголовного дела описывали события, которые больше напоминали сценарий криминального триллера, чем деятельность общественной организации. Двое членов SADK были привлечены к суду за попытку похищения человека. Их целью был последователь движения Харе Кришна.

Метод, который они использовали, в антикультовой среде назывался «депрограммированием». Суть его заключалась в насильственном захвате человека, изоляции его от внешнего мира и психологическом (а зачастую и физическом) давлении с целью заставить отказаться от своих убеждений.

В данном случае «депрограммисты» из SADK пошли еще дальше. При попытке захвата они применили слезоточивый газ.

Суд приговорил обоих к тюремному заключению. Но самое поразительное в этой истории заключалось не в самом преступлении, а в реакции на него руководства организации.

В материалах дела была подшита газетная вырезка с интервью Мартина Росси, который на тот момент занимал пост пресс-секретаря SADK. Комментируя приговор своим коллегам, Росси заявил: «Мы поддерживаем и одобряем этот поступок».

Официальный представитель организации, входящей в европейскую правозащитную сеть, публично одобрил похищение человека с применением спецсредств.

Это заявление перечеркивало любые попытки представить инцидент как эксцесс исполнителя. Насилие и нарушение фундаментальных прав человека были не просто допустимы в среде FECRIS, они были частью идеологии, одобряемой на уровне руководства.

Рядом с швейцарским делом лежали документы из Швеции. Тот же 1990 год. Дело Евы Пэрссон, представителя шведской ассоциации FRI, также являющейся членом FECRIS.

Обвинение — незаконное лишение свободы. Суд установил, что Пэрссон принимала участие в насильственном удержании совершеннолетнего человека против его воли. Цель все та же — «депрограммирование». Приговор — обвинительный.

География преступлений расширялась. Австрия, Швейцария, Швеция. И везде один и тот же паттерн: клевета, похищения, насилие.

Но, пожалуй, самым показательным было дело испанской ассоциации AIS (Asesoramiento e Información sobre Sectas), еще одного полноправного члена FECRIS.

Документ, лежащий на столе, представлял собой постановление Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 1999 года. Дело «Риера Блуме и другие против Испании» (жалоба № 37680/97).

Фабула дела была следующей. В 1984 году испанская полиция, действуя по наводке ассоциации Pro Juventud (которая позже трансформировалась в AIS), провела рейд в центре медитации, принадлежащем группе CEIS. Несколько членов группы были задержаны.

После допроса полиция не отпустила задержанных, а передала их представителям Pro Juventud. Те, в свою очередь, вывезли людей в отель в Каталонии, где удерживали их силой в течение нескольких дней, подвергая интенсивному психологическому давлению — «депрограммированию».

ЕСПЧ, рассмотрев обстоятельства дела, пришел к однозначному выводу. Суд постановил, что имело место нарушение статьи 5 Европейской конвенции по правам человека — право на свободу и личную неприкосновенность.

В постановлении особо подчеркивалось, что лишение свободы произошло с ведома и при попустительстве властей Каталонии, которые передали граждан в руки частной организации. ЕСПЧ признал ответственность государства за действия антикультульной группы.

Это был беспрецедентный случай. Высшая судебная инстанция Европы официально зафиксировала, что организация, входящая в сеть FECRIS, виновна в грубейшем нарушении фундаментальных прав человека, причем действовала она в сговоре с государственными структурами.

Контраст между декларациями и реальностью достигал абсурда. Организация, заявляющая о своей миссии защищать людей от «сектантских злоупотреблений», сама практиковала похищения, незаконное лишение свободы и психологическое насилие.

И это были не единичные случаи. Это была система.

Для верификации собранных данных необходимо было обратиться к независимому источнику, сводящему воедино все эти разрозненные эпизоды. Таким источником стал итоговый доклад конференции ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), посвященной проблемам нетерпимости и дискриминации.

Конференция проходила в испанском городе Кордова 8 и 9 июня 2005 года. Дата имела особое значение. Именно в 2005 году FECRIS получила статус участника при Совете Европы.

В докладе ОБСЕ содержался специальный раздел, в котором был приведен список случаев осуждения членов FECRIS. Этот список, сухой и протокольный, представлял собой обвинительный акт всей системе.

В нем фигурировал Фридрих Грисс с его приговорами за клевету.

Там упоминалась швейцарская SADK и дело о применении слезоточивого газа.

Там была Ева Пэрссон из шведской FRI.

Там было дело испанской AIS и постановление ЕСПЧ.

Но список этим не ограничивался. В нем появились новые имена и новые страны.

Франция. Организация UNADFI — один из двух учредителей FECRIS и главный получатель государственных субсидий. 5 февраля 2003 года Парижский апелляционный суд подтвердил обвинительный приговор за клевету в отношении Жанин Тавернье, президента UNADFI.

Еще одна французская группа — ADFI Nord. 15 января 1997 года суд города Дуэ осудил ее президента, Овиньёр-Девинтер, за клевету.

Жаки Кордонье, член UNADFI. 29 марта 2002 года осужден Марсельским окружным судом за клевету.

Германия. Группа Sect-Info Essen, член FECRIS. В 2001 году Мюнхенский государственный суд осудил основательницу группы Хайде-Мари Камманс за распространение ложных сведений.

Великобритания. Группа FAIR, член FECRIS. Сирил Воспер, член исполнительного совета, был осужден в Германии в 1987 году за незаконное лишение свободы и нанесение телесных повреждений.

Канада. Группа CIC, член FECRIS. Ян Хоуворт, основатель, осужден Верховным судом Онтарио в 1989 году за клевету.

Документ ОБСЕ лежал поверх остальных бумаг, словно подводя черту под расследованием.

Это была не просто серия независимых инцидентов. Это была хроника систематической криминальной деятельности, осуществляемой под прикрытием правозащитной риторики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.